

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ТЕОРИЯ МОДЫ»

Новое
Литературное
Обозрение

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Мех как русская мифологема	7
ГЛАВА 1. До появления шубы: мех в народных представлениях славян и в истории Древней Руси (до XIII века)	11
ГЛАВА 2. Московская шуба и начало формирования национальной идентичности (XIII–XV века). «Меховые» войны	23
ГЛАВА 3. Когда мех был золотом. Шуба как ритуал и символ власти (Московское царство XVI века)	34
ГЛАВА 4. Благодатный мех российского царства («бунташный» XVII век)	49
ГЛАВА 5. Магия меха: шуба, шкура и мех в русской народной культуре	64
ГЛАВА 6. Вновь на край света (XVIII век)	75
ГЛАВА 7. Кризис русского пушного промысла и торговли (XIX — начало XX века)	95
ГЛАВА 8. Сделано в СССР	121
ГЛАВА 9. Мех «а-ля рюс». Русское зарубежье до и после октябрьского переворота 1917 года	153
ГЛАВА 10. Настоящее и будущее русского меха	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. «В теплых шубах мы смеемся над трескучим морозом...»	191
<i>Примечания</i>	193
<i>Хронологическая таблица</i>	251
<i>Список сокращений</i>	257
<i>Список источников и литературы</i>	259
<i>Указатель</i>	297

Мех как русская мифологема

Бескрайние просторы, суровая зима и, конечно же, шуба... Арсенал стереотипов о России невозможно представить без одежды из меха, которая как будто служит идеальным материальным воплощением русской идентичности. Так ли это? Как складывалась мифологема о тесной связи русской материальной культуры и традиций употребления меха? Какую роль играет мех в истории русской моды и каковы перспективы его использования? Эти и другие вопросы обсуждаются на страницах предлагаемой читателю книги.

О том, что на Руси все ходят в мехах, культурная Ойкумена знала со времен первых контактов с русскими. Любовь русских к меховой одежде стала общим местом рассуждений о специфике русской моды на протяжении всей ее истории.

Для внешних наблюдателей русская мода состояла из малообъяснимых и потому волнующих противоречий: здесь «...дамы в мантии из соболей огромной ценности... Бок о бок к ним толпа крестьян в долгополых овчинных тулупах... Я признаюсь, что Невский проспект — одна из самых интересных улиц, где я бродил когда-либо», — такой увидел русскую столицу специальный корреспондент газеты *The Daily Telegraph*, побывавший на бракосочетании одного из цесаревичей. «Санкт-Петербург, эта странная столица», — продолжал он, описывая его как город контрастов, где крайности сосуществуют, смешиваясь и соприкасаясь¹.

Мифологема русского меха стала общим местом романтизированного «сказания о России», где баснословная стоимость обсуждаемой вещи как объекта желания не препятствовала мечте, а, наоборот, подстегивала воображение, «намагниченное чужим интересом, завистью и ревностью»². Именно на этой характерной особенности статусного потребления основан затаенный сюжет «Русских соболей» О. Генри, где главный герой, обитатель одного из самых неприглядных кварталов Манхэттена, обладая якобы

«русскими» соболями, жаждет роста собственной социальной значимости, пользуясь тем, что его ближайшему окружению «...еще никогда не доводилось видеть подлинных русских соболей (но они, безусловно, о них слышали! — *Б.Ш., Д.Л.*). Весть о них облетела квартал, и все окна и двери мгновенно обросли гроздьями голов... По улицам разносились восторженные „ахи“ и „охи“, и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, неуклонно росла»³.

Хорошо известно, что любое одеяние человека является своеобразной витриной — системой знаков, средством коммуникации. Сугубо функционального прочтения этого языка, конечно же, недостаточно для его понимания.

«Меховой язык» особенно интересен для исследователя, поскольку мех представляет собой часть костюма — одной из древнейших символических систем, выраженных в материальной культуре⁴. Одежда из меха (меховой шкуры) — самая древняя и самая традиционная из единственно возможной (конечно же, в досинтетическую эру) для изготовления одежды триады «мех/кожа — войлок — текстиль»⁵.

Обрабатывать меховую шкуру человек научился намного раньше, чем прясть и ткать. Можно предполагать, что сознательное использование меховой шкуры было известно уже в раннеашельской культуре (ранний палеолит). Более достоверные сведения относятся к времени позднего мустье (средний палеолит) и верхнему палеолиту, когда живший в условиях ледникового климата Homo neanderthalensis утеплял (завесами — ветровыми заслонами) и украшал себя, свое жилище и своих богов⁶ (ритуально-магическое «оживление» образа) меховыми шкурами⁷. Именно ритуал оказался чревом, из которого вышло неисчислимое множество форм и феноменов культуры («культура родилась из культа; истоки ее сакральны»⁸).

Главнейшим видом охоты в это время был промысел крупных млекопитающих (мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, бизона, зубра, дикой лошади, кулана, северного оленя и других⁹) с достаточно толстой, трудной для выделки кожаной тканью и густым косматым мехом. Такие шкуры использовались в несшитом виде: их просто оборачивали вокруг тела или набрасывали на плечи, на голову. Вероятно, уже тогда пушной промысел (в узкопрофессиональном смысле пушниной называют шкуры диких зверей, добытых охотничьим промыслом или специальным разведением; мехом — шкуры сельскохозяйственных и домашних животных. В более широком, обывательском смысле — и в этой книге тоже — понятие «мех» чаще всего не несет этого смысла, сближаясь с понятием «пушнина») начал отделяться от промысла пищи: очевидно, что на леопарда, пещерного льва, барса, волка, лисицу, росомуху, песца охотились не для получения мяса¹⁰.

Технологические достижения мустьерской культуры были адаптированы и развиты культурой ориньяк, когда наступил максимум последней волны сильного похолодания и климат стал близок к современному арктическому¹¹. Суровые условия оледенения потребовали высокой степени приспособления к ним и интенсивного усложнения материальной культуры. Со временем роль доминирующих объектов охоты получили представленные массово средние и мелкие животные (лисы, песцы, зайцы, волки) с более податливой для обработки кожей. Сначала несшитые, а затем и сшитые в штаны и туники шкуры плотно фиксировались на теле с помощью импровизированной перевязи или пояса, сберегая тепло. Простейшая шитая меховая одежда известна не позднее 20 тысяч лет до н.э. В эпоху неолита появляется пушная охота на соболя и бобра, которая будет развита в специализированный промысел в эпоху бронзы¹².

Очевидно, что уже в то далекое время оформились, пусть только в основных чертах, три основных направления бытования меха и меховой одежды. Первое, самое очевидное — как практическое приспособление к природным условиям, для защиты от непогоды, благодаря носкости меха и его теплозащитным свойствам. Но климат не был тем единственным и исключительным фактором, благодаря которому культура ношения меха сформировалась в том виде, в каком мы ее знаем. История знает многочисленные примеры бытования меховой одежды в случаях, которые никак не могут быть объяснены климатической необходимостью. В этом случае мех выступает либо как часть сакрального мира (например, магическая, а не практическая защита хозяина) либо как атрибут роскоши и успеха, когда более важны не утилитарные, а эстетические качества меха, его блеск и густота, мягкость, неповторимая и разнообразная фактура, уникальные тактильные ощущения, которые дает его осязание. А главное — его труднодоступность и дороговизна.

Тысячи лет мех служил людям, но эти основные моменты неизменно сохранялись, переходя в область традиции. Наблюдая динамику «меховой традиции» в максимально длительной исторической перспективе, можно сказать, что ее становление было связано не только с разнообразием первоначального сырья (известная древнейшая базовая выкройка наплечной одежды предназначалась для кроя из шкуры медведя¹³), но и с технологическим уровнем развития общества: вместе с ним развивалась и технология обработки меховой шкуры и изготовления одежды из меха. В XII–XIV веках появляется меховая одежда, более или менее точно повторяющая контуры человеческого тела. К этому же времени относятся первые известные нам сегодня русские шубы — Ивана Калиты (1328) и Кирилла Белозерского (1380–1390-е). Уникальные условия России — холодный климат на большей

ее части и богатейшие ресурсы животного мира — способствовали формированию огромного и емкого рынка самых разнообразных меховых товаров. Но главной героиней русской истории меха, безусловно, нужно назвать шубу как культурный феномен — явление, которое уже давно не вписывается в отведенные для «просто одежды» рамки.

Особый культурный статус получила золотная шуба, собравшая воедино «мягкое золото» (то есть собственно мех), золотные ткани (атлас, бархат, тафта и камка, аксамит) и золотой металлический декор (пуговицы)¹⁴. В отличие от других золотых предметов — кубков, денежных выдач и прочих предметов роскошного быта — она выступала и средством формирования облика ее носителя, и частью этого облика, определенным визуальным кодом, указывающим на особый статус ее обладателя. Такие шубы были драгоценными не только в прямом смысле, но и в переносном, поскольку одновременно служили и олицетворением материальной состоятельности, принадлежности к элитарной культуре, и свидетельством близости к власти.

«Костюм есть наглядная форма человека», — утверждал романист и романтик XIX столетия Теофиль Готье (1858)¹⁵. «История одежды... это просто история человечества», — продолжил диалог спустя столетие, смотря на вопрос еще шире, литератор, искусствовед и историк костюма Рудольф Броби-Йохансен (1968)¹⁶. При таком подходе предмет «мехового» исследования занимает стыковое пространство между политической и социально-экономической историей России, историей ее культуры, культурной антропологией, историей костюма и моды, и имагологией — относительно новым научным направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов.

Соответственно, шуба как часть русского национального костюма и как часть культурной истории России является не просто одеждой людей ее населяющих; в гораздо большей степени, чем все прочее вещественное окружение, она представляет символ — но не только определенной культурной группы, но — шире — этноса, нации, эпохи.

«Меховая» тема сегодня практически не изведена — и в мировом¹⁷, и в русскоязычном исследовательском сегменте¹⁸. Настоящее исследование предназначено восполнить данную лакуну. Это ни в коем случае не история фасонов и силуэтов, а история идей — политических, социально-экономических, научных, сопровождающих движение истории русского меха.

До появления шубы: мех в народных представлениях славян и в истории Древней Руси (до XIII века)

Древнейшие меховые одежды. Люди, впадающие в спячку

Древнейшие сообщения о славянах, относящиеся к V–VI векам, связаны с их нападениями на Византийскую империю. Они описывают военный быт, тактику и стратегию, но мало сообщают об их внешнем виде, а также о тех ценностях, которые могли бы стать предметом обмена и торговли¹. В ту бурную эпоху мех северо-восточной Европы еще не представлял большого интереса для богатых южных и западных соседей славянских племен. Стабильной меховой торговле мешали не только бесчисленные войны и передвижения народов, но также отсутствие единой государственной власти, контролирующей природные ресурсы региона.

Нет сомнений, что мех использовался для изготовления одежды первыми славянами и их предками с древнейших времен². Использовали мех и кочевые соседи праславян: скифы носили куртки и безрукавки из выделанного меха и кожи³; из войлока, шкур и шерсти они делали головные уборы себе и своим коням. Скифская элита носила кожаные куртки, подбитые соболем, теплые и удобные для верховой езды⁴.

Стоит вспомнить, что предки славян за много веков до нашей эры расселились на обширных землях, простиравшихся на север и восток от Карпат⁵. Их важнейшим занятием было земледелие, но и охота занимала в жизненном укладе значимое место⁶. Широко была распространена и добыча пушного зверя. Судя по археологическим данным, в V–IV веках до н.э. предки славян сконцентрировались в районе Среднего Поднепровья, где тесно взаимодействовали с различными скифскими племенами⁷. В середине V века до н.э. греческий историк Геродот, собирая материал для книги об истории войны с персами, посетил владения скифов в Причерноморье⁸. Здесь он составил описание местных племен, упомянув среди них особый

народ «сколотов», живущих на Днепре и сильно отличающихся от кочевников-скифов. По сведениям Геродота, сколоты занимались охотой и земледелием. Вероятно, эти племена были ближайшими предками славян, во всяком случае, были близки им по своей культуре⁹.

Описывая этот народ, Геродот упомянул и живущих по соседству с ними «козлоногих людей», а затем лесное племя, мужчины, женщины и дети которого спят шесть месяцев в году, как впадающие в спячку медведи¹⁰. Упоминание «козлоногих людей», может быть, свидетельствует об использовании этими древнейшими народами Европы больших меховых сапог; люди, впадающие в зимнюю спячку, скорее всего, своими действиями имитировали поведение медведя, в чем можно видеть признаки его особого почитания¹¹.

Поклонение медведю в древней Европе было весьма распространенным явлением¹². Его корни уходят в первобытную эпоху — время господства охотников и начала одомашнивания скота. Во всех медвежьих культах этот зверь связывался с образом помогающего предка, прародителя, сородича, заботящегося о жизни рода и животных, в особенности домашнего скота; частью культа было обрядовое ряженье в его шкуру¹³.

Вызывает интерес и описание Геродотом соседней скифов — невров: «Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно однажды в год на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик»¹⁴. По всей вероятности, речь идет об обычае ряженья в шкуру волка для определенных ритуальных действий. Об этом может свидетельствовать сам образ волка в славянской мифологии как существа, способного перенести главного героя в Иной мир¹⁵. Среди славянских племен были известны лютичи, получившие название от табуированного обозначения волка — «лютый».

Таким образом, уже в праславянской культуре прослеживается особенное отношение к одежде из меха. Характерное для многих древних культур, оно будет развито в народных представлениях, о чем более подробно рассказывается в пятой главе.

Мохнатый бог Велес

Почитание медведя в славянском язычестве нашло свое воплощение в культе «скотьего бога» Велеса — покровителя домашнего скота, бога торговли и богатства, плодородия и изобильного урожая¹⁶. В народной среде этот культ со временем трансформировался, и функцию заботы о скоте взял на себя всякий мелкий пушной зверь, живущий возле человека¹⁷.

Древняя традиция дожила как минимум до конца XX века, когда она была зафиксирована этнолингвистическими экспедициями в Полесье. Жители этого края считали покровителем домашнего скота живущую рядом с ними ласку, полагая, что это не просто меховой зверек, а дух — покровитель скотины: его нельзя прогонять, напротив, следует всегда заботиться о нем, кормить; смерть ласки непременно приведет к гибели домашнего скота¹⁸. Так ласка приняла на себя функции предка-покровителя, мистического защитника дома из Иного мира, помогающего потомкам. Если ласка начинала «мучить» скот или же в «скотьем» хозяйстве возникали другие трудности, ей приносили в качестве подношения шкуру барана или козла¹⁹. В данном случае очевидна устойчивая связь меховой шкуры и достатка — представление, уходящее корнями в глубокую древность и отразившееся в известном античном мифе о золотом руне.

Обрядовая магия, связанная с ряженьем в шкуры, по-видимому, способствовала формированию представлений о том, что одежда из меха сама по себе является признаком благополучия, достатка и благоденствия. Вскоре меха стали играть роль денежного эквивалента, и чем больше у человека меховых изделий — тем, считалось, богаче и счастливее проходит его жизнь. Так постепенно мех принимал на себя роль символа жизненного процветания, плодородия и изобилия.

Представления об особом значении меха закономерно отразились и в русском фольклоре. В одной из сказок, опубликованных А.Н. Афанасьевым, говорится о губителе — страшном Змее и Никите Кожемяке, занимающемся выделкой кож и меха. Именно он взялся победить этого Змея. После чего два персонажа договорились поделить между собой весь мир, проводя огромную межу (Змей впрягся в соху, а Никита принялся пахать)²⁰. Само по себе такое разделение довольно показательно: Змей, как представитель Иного мира, должен жить в своем, а человек в своем, земном мире. Именно Кожемяка становится героем, способным вернуть благоденствие и процветание земному царству. В сказке его способности объясняются тем, что он обладает огромной физической силой, поскольку занимается тяжелым ручным трудом. Это позднее толкование не может быть единственным и убедительным, так как тяжелой работой занимались и другие ремесленники. Не исключено, что способности Никиты как героя-змееборца проявились в связи с необычным, сакральным характером его профессии — выделкой кожи и меха.

Сакральность меха в народной традиции ярко проявлялась во время Святок — праздничного комплекса из двенадцати дней в промежутке от Рождества до Крещения²¹, имевшего глубокие корни в славянском язычестве и тесно связанного с культом предков²². Это время праздничного

действия, означавшего наступление важных изменений в природе и жизни. Святочные гуляния были пограничной полосой, знаковым символом перемен²³. Святочные пиршества и гуляния были типичны для культуры народного карнавала с его безудержным весельем, переворачиванием всего «с ног на голову» и ряженьем, в том числе в меховые шкуры. По сути, ряжение означало переодевание в представителей Иного мира и, прежде всего, в духов предков-покровителей, которые, пользуясь временным размыванием сакральных границ, проникали в мир людей. Их появление было ожидаемым и желанным, поскольку они играли положительную роль, связанную с зарождением новой жизни, грядущим приходом тепла и весны, а значит, и началом земледельческих работ²⁴. Известные факты об использовании меха в ритуалах указывают на его тесную связь со скотоводческой магией. Центром святочной обрядности был уже известный нам «скотий бог» Велес, покровитель скота и плодородия, которого изображали одетым в большую лохматую медвежью шкуру²⁵.

Итак, предки славян, а затем и сами славяне на заре своей истории активно использовали мех для совершения ритуала и создания ритуального, а не только бытового, повседневного одеяния. Ритуальная и практическая функции меха и меховой одежды уже тогда были тесно связаны, поскольку любая одежда, помимо своего сугубо функционального назначения, являлась символом, «языком» культуры, средством коммуникации²⁶. Эта связь прочно вошла в народную традицию.

Меховой обмен и меховая торговля

Мы не имеем точных данных о том, что до VIII века меховой товар играл сколько-нибудь важную роль в мировой торговле. Славянские и финно-угорские племена, живущие в лесных районах, добывали пушнину главным образом для собственных нужд; кочевые народы степей юго-восточной Европы предпочитали шкуры домашнего скота²⁷.

Торговая история меха начинается, насколько это известно, не ранее VIII века. Социально-экономическая и политическая обстановка в Европе в это время стабилизировалась, значительные миграции народов прекратились, появились новые государства. На ее западе соболь и другие ценные пушные звери считались редкостью, но восток европейского мира оказался весьма богат ими, поскольку здесь не было стабильной централизованной власти, способной организовать постоянный пушной промысел. Жившие на этой территории примерно с V века славянские племена, как уже было отмечено, сами по себе не стремились к развитию

торговли. Кроме славян, на этих землях с давних пор проживали малочисленные финно-угорские племена — хозяева густых лесов и болот, еще менее склонные к торговле.

В VIII веке сильнейшим государственным образованием Восточной Европы стал Хазарский каганат, появившийся на Нижней Волге столетием ранее. Он контролировал значительную часть славянских племен Днепра, Дона и Оки. Торговля была важнейшей составляющей в хазарской экономике: по сути, само существование и благополучие Хазарии было связано с контролем торговых путей²⁸. Вероятно, хазары взимали дань со славян мехами, которые затем переправлялись на Восток и в страны Европы. Такую же дань славяне платили своим западным соседям — воинственным «русам», о чем мы узнаем из сообщения Ибн Фадлана. Этот арабский путешественник описал свою встречу с русами: сойдя на берег в небольшой пристани, они подходили к заранее установленным здесь деревянным идолам и подносили им привезенный на продажу товар, заклиная, чтобы те послали им богатого и щедрого покупателя. Ибн Фадлан упоминает всего два вида товара: молодых женщин и ценную пушнину, прежде всего соболей²⁹.

Первые дошедшие до нас описания славян указывают на то, что они не только обеспечивали мехом народы Востока и Запада, но и сами широко использовали шкуры овец («овчина») и медведей («медвидина»), волков и других лесных животных (куницы, соболя, лисицы, горноста́я, бобра, выдры и белки) в производстве и отделке одежды и обуви³⁰. Базовой формой меховой одежды был кожух — верхняя кафтаноподобная одежда на меху, длинная или укороченная. Особенно любимы кожухи были среди знати, в том числе среди знати политической и военной.

В летописном свидетельстве под 1252 годом сохранилось описание парадного военного костюма, в котором князь Даниил Галицкий предстал перед своими западными соседями: «Бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и седло от злата жъжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена [и] иными хитростями, якоже дивитися, кожуюъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскими ошитъ, и сапозы зеленого хъза, шити золотомъ»³¹. Крайне важно, что княжеский кожух (одежда «мехом внутрь») был покрыт византийским оловиром — пурпурным шелком лучшего качества, затканым золотом. В византийской традиции эта материя имела сакральное значение, символизируя верховную власть; можно предположить, что мех и оловир, взятые вместе, усиливали это значение. Так роскошная меховая одежда смогла претендовать на место главного материального атрибута власти³².

Ко времени появления Древнерусского государства в IX веке в Восточной Европе уже сложились развитые торговые отношения, в которых соболиный мех и другая ценная пушнина заняли важнейшее место. Но главные

торговцы мехом — арабы, русы и хазары — сами не занимались добычей пушного зверя. Его поставщиками были славянские племена, добывавшие мех для своих нужд, платившие дань мехом или же предлагавшие его на обмен³³.

Все это указывает на то, что пушной промысел был типично славянским делом с древности. Не стоит сомневаться в обилии пушного товара в VII–VIII веках: если, по данным Ибн Фадлана, ежегодно «царь салавян» приносил дань в виде соболя от каждого дома, то счет здесь может идти на тысячи шкур в год. Очевидно, что русы брали меховую дань со славянских племен не в меньшем объеме, особенно если принять во внимание данные арабского ученого Ибн Русте, согласно которым русы только и жили тем, что грабили славян. По сведениям географа Ибн Хордадбега, русы платили налог на территории халифата исключительно шкурами зайцев и черных лисиц, привезенными из Восточной Европы. Именно русы возили ценные сорта пушнины на продажу в Константинополь и Багдад, плавали по Дону и Волге с целыми караванами судов, груженных мехами³⁴.

Бурное развитие торговли и некоторые другие условия социального плана способствовали формированию двух крупных племенных объединений на Среднем Днепре и в районе Восточного побережья Балтийского моря. Оба этих центра находились на едином транзитном торговом пути между Балтийским и Черным морями, который позднее стал известен как «путь из варяг в греки». Конфликт между ними был неизбежен.

В середине — второй половине IX века оба торговых центра были объединены, что положило начало формированию нового государства — Древнерусского, с первоначальным центром в днепровском Киеве. Нет сомнений в том, что определенную роль в его оформлении сыграло стремление захватить меховую торговлю, хотя это и не являлось ни единственным, ни главным фактором. Вспомним, что, по «Повести временных лет», основатели Киева, «мужи мудры и смышлены», охотились в большом бору на зверей³⁵. Когда же варяги, покорив враждующие племена на севере «славянского» торгового пути, обложили их данью, то брали «от мужа по белой веверице» (то есть белке)³⁶. Из того же источника мы знаем, что первые киевские князья собирали дань «по черне куне от дыма», то есть по черной кунице от домовладения³⁷. Сбор такой ценной дани однажды вызвал зависть у дружины князя Игоря (княжение Игоря традиционно относится к первой половине X века), в результате чего тот повелел собрать дань заново, за что был жестоко убит восставшими древлянами.

С момента образования Древнерусского государства торговля пушной оказалась под контролем его правящей элиты. Следуя торговым интересам и увеличивая число данников, со временем древнерусские князья

взяли под контроль огромные территории по Днепру, Оке и верховьям Волги. Киев смог оттеснить от богатых пушниной лесов хазар (Хазарский каганат вступил в полосу кризиса после похода киевского князя Святослава в 969 году) и существенно потеснил на востоке Волжскую Булгарию. В XI веке русские князья стали непримиримыми соперниками Булгара в борьбе за мех.

Русские меха поставлялись в Византию по Днепру, через Галицкую землю в Венгрию и Богемию. В свою очередь, через Крым и Каспий «мягкое золото» шло на Восток³⁸. Были организованы поставки в Польшу, Чехию, земли Южной Европы и Германии³⁹. Поскольку на Руси не добывали золота и серебра, то меха шли в обмен преимущественно на эти драгоценные металлы, а также шелк и пряности. Русские князья посылали их чужеземным владыкам в качестве наиболее ценных даров⁴⁰. Вероятно, в это время — время активной меховой торговли, сложилась традиция брать за единицу счета мехов в сделках «сорók», имея в виду количество шкурок в одной связке. С этого времени и вплоть до XVIII века ценный мех всегда считали именно так — сорока́ми⁴¹.

Роль меха для экономики славян была так велика, что многие известные историки считали охоту на пушного зверя их главным занятием на момент образования государственности. Дискуссии по этому поводу тянулись почти полстолетия: с начала XX века до 1950-х годов, когда археологические данные показали преобладание в славянском хозяйстве земледелия⁴². Конечно, формирование Древнерусского государства как политического института было связано с широкими процессами социально-политического развития, становления единой налоговой системы, религии, армии. Меховой промысел и меховая торговля приносили доход лишь элитарной, незначительной части населения, хотя меха и использовались в роли денежного эквивалента как внутри страны, так и за ее пределами⁴³.

Наконец, следует помнить, что запасы пушного зверя были вовсе не безграничны, хотя и обширны и не всякий мех ценился одинаково высоко. Как уже отмечалось, в XI веке новгородцы совершали меховые экспедиции на восток: это значит, что леса северо-восточной Руси уже не могли удовлетворить растущие запросы⁴⁴. Трех-четырёх столетий активной эксплуатации ресурса (хазары и русы собирали со славян дань мехами с VII века) оказалось достаточно, чтобы запасы стали истощаться: к XIII веку большинство русских земель не имели возможности бесперебойно снабжать сложившуюся высокоприбыльную систему меховой торговли ценной пушниной. В известной русским Ойкумене промысловый пушной зверь оставался в изобилии только на Кольском полуострове и на северо-восточной окраине Европы.

Культурные основания мехового дресс-кода

Политический распад Древнерусского государства, начавшийся в XI веке, не изменил ситуации на рынке меховой торговли. Напротив, добыча ценного пушного зверя в самостоятельных русских княжествах быстро росла: каждый правитель стремился получить со своей «отчины» максимальный доход. Новгород больше ориентировался на поставки в Европу, а главным центром пушной торговли с Востоком был Киев. Здесь торговая прибыль была особенно велика.

Восточный географ X века Ибн Хаукаль рассказывал, что славяне охотно торгуют на окраине своей страны прекрасными черными соболями и черными лисицами. Он же сообщал, что поставщиками мехов в земли Прикаспийского региона являются русские и волжские болгары⁴⁵. Еще более интересна следующая информация, оставленная Ибн Хаукалем: «меха выдры, которые вывозятся в разные страны и находятся только в тех северных реках, которые в стране Булгар, Русов и Куябе. Те же меха выдры, которые находятся в Андалусе (Испании. — Б.Ш., Д.Л.), составляют малую часть того, что находится в реках, находящихся в славянских странах. Большая же часть этих мехов и превосходнейшая из них находится в стране Рус, а некоторые высококачественные из страны Яджудж и Маджудж переходят к Русам по соседству их с Яджуджами и Маджуджами и по торговле с ними»⁴⁶.

Этот небольшой отрывок дает представление о том, как сильно были заинтересованы арабские торговцы в русских мехах. Ибн Хаукаль хорошо ориентируется в «меховой» географии и даже сравнивает мех испанских выдр с русскими в пользу последних. Вероятно, под «страной Рус» он понимает земли славян на месте будущего Новгорода, поскольку Куябой историки традиционно считают Киев. Живший в X веке арабский торговец еще не осознавал восточных славян в составе единого государства, используя, вероятно, устаревшие сведения. Так или иначе, важно одно — именно они были главными поставщиками меха для Арабского мира.

В знаменитой средневековой «Песне о Роланде» арабский «король Марсиль» возмещает нанесенное рыцарю оскорбление богатыми дарами — соболиным мехом:

«Граф Ганелон, — сказал послу Марсиль, —
Вы были мной обижены безвинно.
Я дротом вас в сердцах убить грозился.
Дарю за то вас мехом соболиным.

Он мною куплен за пять сотен ливров.
Такой подарок возместит обиду». «Приму с охотой! — Ганелон воскликнул. — Пусть бог за это вам воздаст сторицей!»⁴⁷

Но почему же арабы придавали столь большое значение меху? Можно предположить, что он использовался в качестве предмета транзитной торговли со странами Европы, с которыми Арабский мир тогда активно соприкасался. Однако мы знаем, что и сами русские торговали с Европой. Может быть, арабы поставляли русский мех народам Средней Азии, где климатические условия были достаточно суровыми, или сами использовали мех в своих северных путешествиях. Эти версии, красивые сами по себе, все же не объясняют большую популярность меха у арабов.

Можно предположить, что главное значение меха в средневековом арабском мире было обусловлено строгими запретами исламской морали. Сподвижник центральной фигуры ислама, пророка Мухаммеда, имам Али так говорил ученикам: «пророк взял в левую руку ткань из натурального шелка, а в правую — золото. Поднял обе руки и воскликнул: «Эти две вещи для мужчин из числа моих последователей запретны, а для женщин — разрешены»⁴⁸. В итоге именно мех стал для арабских мужчин признаком богатства и статуса. Очень быстро он завоевал популярность среди элиты — общеизвестно, что любая одежда несет знаковую функцию, является символом положения человека, маркером его социальной принадлежности.

Существует распространенное, но малообоснованное мнение о том, что именно арабы стали производить первую одежду, целиком сделанную из меха. Трудно сказать, насколько достоверно это предположение, ведь мы мало знаем о раннесредневековых арабских профессионалах мехобработки, кроя и шитья. Но нет никаких сомнений, что их русские коллеги этого же исторического периода были хорошо известны. На Руси необработанные шкуры и кожи животных обозначались понятием «скора», а мастер по их обработке был известен как скорняк. Скорняжное дело распространилось здесь уже с IX века, вместе с развитием ремесел и городской культуры, и к XIII столетию русские скорняки — так же как и профессионально близкие к ним усмари, сафьянники, кожемяки и тому подобные — должны были достигнуть большого мастерства.

Как и в ранние периоды русской истории, мех в это время имел важное торгово-экономическое значение. Известная традиция пушной дани превратилась в способ товарообмена: в Древней Руси мехами брали штрафы, платили за проезд, взывскивали торговые пошлины; мех использовался при

операциях с недвижимостью. По всей видимости, стоимость меховой шкуры равнялась известной сумме, поскольку при расчетах целая шкура могла делиться на мордки, ушки, лапы⁴⁹.

По-прежнему мех имел не меньшее значение в оформлении элитарного интерьера (прежде всего убранства ложа) и костюма. Так, в «Молении Даниила Заточника», относящемся к концу XII века, упоминаются собольи одеяла князя Ярослава Владимировича: «когда ляжешь на мягких постелях под собольими одеялами, а меня помяни»⁵⁰. Этот предмет роскоши прочно вошел в аристократический быт, закономерно найдя свое отражение в фольклоре. О собольих одеялах упоминает русская народная сказка «Волшебный конь», где прекрасная королева Настасья «разметала во сне покровы богатые»⁵¹. Большое соболье одеяло мы видим среди богатого убранства ложа из слоновой кости, застланного пуховыми перинами, у молодой супруги богатого новгородского купца в песне из известного сборника народных песен Кириши Данилова⁵².

Очевидно, что использование меха в интерьере (особенно на ложе), как и в costume (особенно в головном уборе), не было простой случайностью или данью традиции, многие элементы которой имели сакральный смысл. Корни этого представления, конечно же, лежат в языческой истории славян, где головной убор выполнял очень важную функцию — защищал волосы, которые, как считалось, обладали особыми магическими свойствами, связанными с плодородием и здоровьем⁵³. Подобное представление, своими корнями уходящее в глубокую древность, характерно для многих народов⁵⁴.

Головные уборы и одежда древнерусской знати далеко не всегда изготавливались целиком из меха, но часто окантовывались, опоясывались им. Об этом можно судить по изображениям князей, например Святослава Ярославича и его детей (мы также видим, что княжеские дети одеты в своеобразные меховые ожерелья) в «Изборнике» (1073). Аналогичный головной убор, окантованный мехом, присутствует и на иконописных изображениях святых князей (Бориса и Глеба и других). Здесь мех выполнял роль своеобразного оберега. В силу вышесказанного даже легкое летнее княжеское одеяние могло быть насыщено меховыми деталями и меховой отделкой: как мы помним, традиция ношения меховых головных уборов знатно круглый год бытовала еще у русов в VIII–IX веках. И былинный князь Владимир Стольнокиевский в более позднем сюжете об Илье Муромце и Соловье-разбойнике носит «кунью шубоньку на одно плечу, шапочку соболью на одно ушко»⁵⁵. Образ этого богатыря появляется только в XVI веке, когда шуба как особый предмет аристократического гардероба уже выделилась из общего массива верхней меховой одежды; для рассматриваемого в главе

периода истории до XIII века этот предмет одежды пока нехарактерен, но более чем показательна манера его ношения.

Востребованность меха и интенсивная добыча промыслового пушного зверя на территории Древнерусского государства, обусловленная растущим спросом, вызвала новый меховой кризис. Особенно быстро был уничтожен соболь — обитатель густого хвойного леса⁵⁶. Вероятно, уже в XI–XII веках его местом обитания стал преимущественно Север, куда и направились наиболее предприимчивые добытчики. Так, в «Повести временных лет» в записи под 1096 годом сообщается об экспедиции в Югру слуги (отрока) новгородца Гюраты Роговича: «и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою просяще железа, а аще кто даст им нож ли, секиру, и они дают [соболи, куницу, белку] противу»⁵⁷.

Постепенное сокращение промыслового пушного зверя привело к подорожанию меха, и он продолжал существовать как элемент аристократической культуры. Однако в качестве важнейшего предмета русской торговли мех уже уходил на второй план.

* * *

Итак, с древнейших времен меховые шкуры, задействованные в ритуалах культа медведя и прочих хищных животных, наделялись особым сакральным значением. «Меховые» обряды и ритуалы прочно увязывались с идеей достатка и богатства; со временем аналогичное значение получил и мех сам по себе. Обилие меха в интерьере и в одежде стало признаком благополучия и процветания человека. Популярность меха как сакрального символа и как символа богатства и процветания, житейской состоятельности, в конце концов привела к тому, что верхняя одежда знати почти полностью состояла из меха либо обильно им украшалась. Говоря шире, мех стал важной частью трансформации догосударственной русской материальной культуры в культуру государственную.

Все вышесказанное предвляло появление главного и весьма ценного во многих отношениях символа исторической меховой культуры — русской шубы.